

ПИСЬМО ИЗЪ БОЛГАРИИ.

ДУХЪ НАШЕГО ПОСТОЯННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Въ Центръ общественного внимания стоитъ сейчасъ судебное разслѣдованіе коммунистической дѣятельности въ Болгаріи. То, что открылось во валахъ судебныхъ учреждений, могло бы, наконецъ, заставить призадуматься о коммунистической опасности и тѣхъ, для кого она является лишь «мнимой». Болгарскому правительству стоило бы только представить протоколы судебныхъ заседаній тѣмъ, кто подсчитываетъ число пистолетовъ и шашекъ въ этой несчастной странѣ, и эти своеобразные охранители устойчивости на Балканахъ могли бы убедиться, что атакующіе болгарскую государственность коммунисты, какъ вооруженная сила, превосходящая атакующему ими власть.

Количество процессовъ и численность участниковъ таковы, что требуются мѣсяцы непрерывнаго судопроизводства. Нѣтъ такого округа города, гдѣ бы нѣсколько процессовъ не ждало своей очереди, и всѣ процессы въ своемъ образѣ представляютъ тотъ интересъ, что проливаютъ яркий свѣтъ на коммунистическую атаку на Болгарію.

Если обратиться къ столичной группѣ процессовъ, то непосредственно послѣ суда надъ шайкой, взорвавшей храмъ и похоронившей нѣсколько лучшихъ представителей болгарскаго офицерства и правящей среды, начался процессъ надъ ближайшими сотрудниками и укрывателями шайки. И здѣсь обнаруживается, что подлинныя организаторы злодѣйства эксплуатируютъ для своихъ цѣлей самую интимную чувствительность и отношения тѣхъ, кто имѣлъ несчастье оказаться близкими имъ. Въ этомъ смыслѣ особенно характерна исторія г-жи Адельи Николовой. Вдова виднаго болгарскаго промышленника и банкира, человека преданнаго своей родинѣ и оставившаго значительную часть своего состоянія Академіи Наукъ для выдачи премій за лучшую работу по болгарской экономикѣ, А. Николова входила въ составъ интеллигентскаго и даже крупнаго буржуазнаго общества Софіи. Она жлетъ теперь кары за укрывательство тѣхъ, кто динамитомъ создалъ социалистическій рай въ Болгаріи. Что же могло толкнуть въ эту шайку А. Николову? Она имѣла несчастье быть въ близкихъ отношеніяхъ уже во время войны провинившемуся своему коммунистическому существу.

Не только женщины, — дѣти и подростки, вовлечены въ коммунистическую сѣть. Слѣдующій послѣ дѣла объ укрывателяхъ процессъ въ Софіи касается 35 участницъ коммунистическаго союза молодежи. Много страннаго обнаружилъ этотъ процессъ. Впрочемъ, уже до послѣднихъ грозныхъ событий, суды надъ пятерками и тройками коммунистическаго союза молодежи показали, что большевики воскресли среди дѣтей страшнѣйшихъ традицій нигилизма и создали чистую нечестивину. Такъ, напримеръ, осенью истекшаго года въ Варненской тюрьмѣ былъ звѣрски убитъ одинъ изъ членовъ коммунистическаго союза своимъ товарищемъ по заключенію и близкимъ другомъ убитаго. Оба — юности 17 - 19 лѣтъ, убитый — ученикъ гимназіи, убитая — только что окончившая коммерческое училище. Убийца задушил своего спящаго товарища ночью полупотемнѣвшимъ, а для вѣнчанія вѣрности выпалъ въ уста удушеннаго ядъ. Расправа вызвана была тѣмъ, что убитый слишкомъ подробно освѣщала организацию и дѣятельность группы передъ судьбою — слѣдственными властями Неслыханныя проявленія злѣвства среди дѣтей не могутъ быть вынесены на счетъ индивидуальныхъ особенностей даннаго случая. Наоборотъ: это — система. Это подтверждаютъ слѣдственные данныя, напримеръ, Тирнопольской гимназической конспиративной группы, гдѣ гимназисты, цѣлуя револьверъ, дають слѣдующую, воспроизводимую нами текстуально, клятву:

«Клянемся именемъ товарищеской вѣрности, именемъ всѣхъ революціонныхъ законовъ, что окажемъ полную интеллектуальную и моральную поддержку достиженію революціи и неспровоженію существующаго строя, что не выдаными ничемъ изъ дѣятельности организации. Въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ отвѣтитъ собственной головой.

И порывы женскаго сердца и романтизмъ дѣтскихъ головъ обильно слабируются подкупомъ: щедро льется русское золото, организуя революцію на началѣ коммерческаго предприятия. Революціонная агентура рыщетъ въ поискахъ морально — слабыхъ, духовно — неуравновѣженныхъ, отыскиваетъ падкихъ до легкой шайки, подкупаетъ ихъ знаніями или поручаетъ имъ легкія информационныя задания и послѣдовательно включаетъ ихъ въ общіе, широко развитыя революціонную сѣть. Роли строго распределены: одни, подъ покровомъ ночи и дремучихъ лѣсовъ, бьютъ кистенемъ несчастныхъ путниковъ; другіе фабрикують смертоносныя яды и разрутительныя вещества; иные скрываютъ людей и военные материалы, иные приказываютъ этимъ скрывающимся до поры до времени субъектамъ выйти на работу; убитъ тѣхъ, кто всю свою жизнь отдалъ несчастной отчизнѣ или взорвать храмъ, правительственное или общественное учрежденіе, мостъ и т. д.

Всякій безпристрастный наблюдатель судебного дѣйства способенъ прийти въ отчаяніе, сопоставляя съ одной стороны неограниченныя возможности финансируемой и снабжаемой извнѣ революціи, а съ другой стороны также извнѣ ограничиваемыя средства обороны болгарскаго государственности. Третій интернационалъ атакуетъ Болгарію, насылая на нее злоумышленниковъ, во всеоружіи денегъ и всѣхъ средствъ современной Болгаріи тѣмъ же кошелькомъ вышнѣ силы не даютъ болгарскимъ патриотамъ средствъ самозащиты въ руки.

Болгарскіе патриоты знаютъ, что помощи ждать неоткуда, что въ непосильной борьбѣ они одни, и это сознание свѣтитъ въ очахъ всѣхъ сознательныхъ гражданъ мрачной рѣшимостью погибнуть но не предать отечество. Именно такъ формулировалъ окровавленный министръ — председатель перелѣ Народныхъ Собраніемъ духовное состояние всего вѣрнаго отечеству населенія: «мы погибнемъ въ этой борьбѣ, но Болгарію не выданымъ».

Софія. Н. Николаевскій

ПРИГОВОРЫ ВЪ СОФІИ
Софія, 4 июня.

Кассационный судъ отвергъ жалобы Перчеміева, Лежъ и г-жи Лежъ и утвердилъ приговоръ военнаго суда, согласно которому Перчеміевъ и Лежъ подлежатъ публичной смертной казни, а г-жа Лежъ пожизненному заключенію. Двое другихъ осужденныхъ, г-жа Николова (приговоренная къ смерти) и Малъ (осужденный на полтора года тюрьмы) вообще не подавали кассационныхъ жалобъ.

СРЕДИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

«Новое время» полемизируетъ съ «Днями» пишетъ:

«Дни» уже прямо дуть и передергиваютъ, увѣряя, что мы «упорно стоимъ на позиціи: тѣмъ хуже, тѣмъ лучше...» Этой лжи и опровергать нечего: она сама за себя говоритъ. Приписываютъ намъ то, что несомнѣнно принадлежить имъ. Мы никогда не говорили и не говоримъ: «непримѣнно монархизмъ». Мы монархизмъ, но прежде всего мы русскіе люди, мы плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго народа, и прежде всего мы нѣмъ дороги. Какъ онъ рѣшилъ — такъ пусть и будетъ. А эта позиція и эти замислы какъ разъ нашихъ социалистовъ. «Тѣмъ хуже — тѣмъ лучше» — это «всеслашій, ихъ исконный лозунгъ».

Мы предочилю бы въ тотъ моментъ бросить нашъ простой и прямой вопросъ: если бы «Днями» пришлось выбирать между разгнѣваннымъ переворотомъ въ пользу монархіи или тигучимъ и безконечнымъ процессомъ такъ называемой «эволюціи» большевизма, что бы они предпочли?

Французская печать очень различно восприняла инцидентъ, ознаменовавшій торжественное открытіе совѣтскаго павильона на декоративной выставкѣ. Нѣкоторыя газеты, какъ напримеръ: Matin, Le Journal, Quotidien отгнѣиваютъ съ различными отгнѣиваніями ироніи очередной скандалъ, не придавая ему принципиальнаго значенія. Другія газеты вообще не замѣтили никакого инцидента. Среди такихъ газетъ мы должны, рядомъ съ Humanité указать L'avenir.

Humanité говоритъ о «наглости отгнѣивать де Монзи Красину, о нѣсколькихъ «глупостяхъ» сказанныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, о дружеской манифестаціи тысячной толпы, отгнѣивающей съ пѣніемъ Интернационала контръ — манифестантовъ. Но факта демонстративнаго ухода представителя французскаго правительства газета не замѣтила. Повидимому, случайно органъ Мильтерана тоже ничего не замѣтилъ и ограничился изложениемъ, безъ всякихъ комментариевъ, рѣчей Красина и де Монзи. Нѣкоторыя газеты снабдили описание инцидента ком-

ментаріями. Такъ L'Echo de Paris пишетъ:

Инцидентъ характеренъ тѣмъ, что по-казываетъ лихорадку, если это еще ужасно, въ какой мѣрѣ обоснованы опасенія по поводу коммунистическаго прои-танды во Франціи даже примѣнительно къ самымъ официальнымъ церемоніямъ.

Нѣсколько иначе подходит къ вопросу Моррассъ въ Action Française, усматривая въ цѣломъ основаніемъ въ инцидентѣ оскорбленіе національнаго чувства. Подъ заголовкомъ «Совѣтскіе и патриоты» онъ пишетъ между прочимъ слѣдующее:

Въ официальномъ текстѣ рѣчи г. де Монзи можно прочесть нѣкоторые подра-чиваемые предостереженіе, которое да-ется правительствомъ Парижа на случай ввоза московской смуты. Отвѣтъ не за-ставилъ себя ждать. Онъ возникъ тутъ же: не успѣвъ представить нашего пра-вительства слѣдуетъ двадцать шаговъ въ толпѣ, какъ онъ замѣтилъ, что она его задела и захватила. Государство, кото-рое было бы хозяиномъ у себя, выпро-силось бы назойливымъ захватчикомъ. Тутъ французъ долженъ былъ уйти... Другой фактъ долженъ быть еще отмѣ-ченъ: слабость реакціи французскаго то-пы. Противъ сотни разноязычныхъ коммунистовъ, оглашающихъ воздухъ ре-волюціонными возгласами, было около 500 французовъ и французекъ — они отгнѣили пять или шесть бѣдняковъ и слабыми «да здравствуетъ Франція».

«Послѣдніе Новостямъ» не даетъ пока наша формула «либеральній консерватизмъ». А Кулишеръ по поводу рѣчи Зиповьева пишетъ:

Теперь онъ согласенъ и на политиче-скій уступки: «руководство крестьянст-ва «протариатомъ» должно быть по его опредѣленію «неизмѣнно твердымъ, но все болѣе мягкимъ». Поистинѣ, классиче-ская фраза, еще превосходная «либе-ральній консерватизмъ».

Мы все таки по терпѣе надеждамъ, что «Послѣдніе Новостямъ», придя въ себя отъ неожиданности, не ограничатся беззвуч-ными и безмысленными выпадами, а по-пытаются вдуматься въ послаленную на-ми проблему по существу.

СОВѢТСКАЯ РОССІЯ.

Новая капитуляція.

Послѣднія книги Совѣтскихъ педагогическихъ журналовъ заслуживаютъ серь-езнаго вниманія. Какъ извѣстно, одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ больше-визма является «направленіе общест-веннаго міровоззрѣнія и т. д. Обзоръ матери-ала въ мѣсть рисуетъ такую картину.

«Общественность приняла форму, направ-лять ее поздно — она уже руководитъ, ис-пользовать трудно, ибо материально она не зависитъ отъ органовъ власти. Ока-зывается, что съ осени 1924 г. на мѣ-стахъ возникла «О-ва Помощи Дѣтямъ».

Какъ эта «совѣтская» общественность взаимодействуетъ съ властью. Въ Петро-градѣ штатными работниковъ социальной инспекціи пѣтъ совершенно, всю работу по обследованію выполняютъ работни-ки совѣтской общественности. Студенче-ство г. Москвы ведетъ всю работу съ без-призорными въ улицѣ, организуетъ тру-довые колоніи, ведетъ работу въ клубахъ. Въ Смѣтѣ работу въ ночлежкахъ ведутъ Студенты ВУЗ-овъ. Въ Смоленской т. къ работѣ привлечены Студенты У-та и т. д.

Что это все значить? Думается процесъ довольно ясенъ. Хозяева — коммуни-сты и Комсомоль — ретроградны, какъ только центръ сократилъ кредиты. Дѣт-ское горе принимаетъ интеллигентную мо-лодежь, ремесленниковъ и крестьянъ. Не-совѣтская общественность дѣлаетъ сейчасъ попытку вилотную подойти къ гибну-щей молодежи. Кое гдѣ это уже удалось. Начинается какал-то подлинная работа по спасенію дѣтей. Дастъ ли она въ усло-вяхъ коммунистическаго гнета, какіе ли будъ положительныя результаты?

Валерій Левитскій

мѣстахъ. Рядъ докладчиковъ заговорилъ о совѣтской общественности. Начала выдвигать: «наша задача организовать об-щественность для помощи дѣтству». «Мы должны использовать и направитъ обще-ственный смыслъ и т. д. Обзоръ матери-ала въ мѣсть рисуетъ такую картину.

«Общественность приняла форму, направ-лять ее поздно — она уже руководитъ, ис-пользовать трудно, ибо материально она не зависитъ отъ органовъ власти. Ока-зывается, что съ осени 1924 г. на мѣ-стахъ возникла «О-ва Помощи Дѣтямъ».

Какъ эта «совѣтская» общественность взаимодействуетъ съ властью. Въ Петро-градѣ штатными работниковъ социальной инспекціи пѣтъ совершенно, всю работу по обследованію выполняютъ работни-ки совѣтской общественности. Студенче-ство г. Москвы ведетъ всю работу съ без-призорными въ улицѣ, организуетъ тру-довые колоніи, ведетъ работу въ клубахъ. Въ Смѣтѣ работу въ ночлежкахъ ведутъ Студенты ВУЗ-овъ. Въ Смоленской т. къ работѣ привлечены Студенты У-та и т. д.

«Темная, нищая, льная безупная. Все во власти кулака мѣрзавца и темныхъ личнос-тей. Какъ рожь подъ вѣтромъ, такъ и дере-вья Родительскаго подъ властной рукой кула-ка падаетъ изъ стороны въ сторону, не попадая на правильную совѣтскую дорогу. Уже 8 лѣтъ минуло послѣ октября, а въ дере-внѣ Родительской все еще древней «Рус-ско пахаетъ».

И тутъ же обобщеніе:

«Такова не одна деревня, а вся страна на-ша, страна Родительская».

Въ этомъ же номерѣ «Правды» (30 мая) нѣсколько критикъ замѣтокъ:

«Еще въ 1922 году семидеять селеній Старо Рѣчницкой волости Валуйск. у Новгородской губ. рѣшили провести земледустройство, да такъ до сихъ поръ и не могутъ его провести Кулаки бывшихъ собственниковъ всячески мѣ-шаютъ имъ въ этомъ. Обжаловали постанов-леніе и добились того, что дѣло о земледу-роствѣ до сихъ поръ гуляетъ изъ волости въ уѣздъ, изъ уѣзда въ губернію и обратно въ с. Гришино, Артемовскаго округа. До-явля с. губ. выслесили на хутора группы за-житочныхъ крестьянъ, захвативъ себя участ-ки за 15 верстъ».

Въ с. Старое Павшино, Александрскаго уѣзда Тульской губ. тѣ крестьяне, которымъ не-желательно передать земледуство, что у нихъ есть земли, проваляли на собраніи вопросъ о переходѣ къ четырёхкопѣе...»

L.

По селамъ и всямъ.

Въ «Правдѣ» Сосновскій, давно уже специализировавшійся на разоблаченіяхъ всяческихъ неурядковъ въ ихъ совѣтско-берьер-фиркаломъ, въ своихъ доносахъ не-щадный ридовыхъ и опальныхъ коммуни-стовъ, теперь разоблачаетъ подлинную картину того, что представляетъ собой русская деревня.

Очередной фельетонъ его въ «Правдѣ» посвященъ деревнѣ Родительской Кур-ской губ., Золотухинской волости, въ при-вѣдъ провинциальнаго въ настоящее время разслѣдованіемъ дѣятельности Золоту-ханскаго исполкома. Поводомъ же къ раз-слѣдованію послужили факты сожженія крестьянами означенной деревни избы — читальни и нападеніе на ближайшій ху-торъ, на которомъ жилъ главный органи-заторъ коммунизма въ этой мѣстности нѣ-кій товарищъ по фамиліи Блѣвевъ.

Вотъ, что повѣствуетъ объ этомъ Сосновскій:

«Въ торжественный день открытія избы — читальни на нее были совершены дикія на-паденія... Реали портреты вождей, были организованы, разогнаны угрозы, перебиты. И разошлись довольные. Выпивошки разго-ра были арестованы и отправлены въ Кур-скую тюрьму. Но арестовано было нѣсколько членовъ. А оставшіеся на волѣ стали угро-ми подкупомъ, клеветой подготавливать по-казанія судьямъ въ пользу арестованныхъ. Выпивошки ареста сумели вѣнкіи напасти. Учителю коммунистическую рѣшили выстав-ить деревню, для чего стали собирать поли-сы. Запустили ее на смерть разными дикими выхлодами вплоть до стрельбы по почтамъ. Стали распускать разные темные слухи... Все-пользовались данней тяжкой деревни Роди-тельской съ небольшимъ хуторомъ Бурне-вымъ изъ-за рощи и пастбища, учинили опять дикія нападенія на хуторъ (тамъ жи-вуть родители коммуниста Бѣвелева). Воле-стные работники во всемъ этомъ ведутъ се-бя очень странно, если не поодирительно...»

И тутъ же поясненія изъ какой состоитъ эти мѣстныя деревенскія власти, выбран-ныя крестьянами:

«Председатель Совѣта — Федоръ Кондра-товъ, бывшій полиційскій. Секретарь селско-го — Степанъ Кондратовъ, сынъ жанарма. А за ихъ стѣной вѣтъ руководилъ Андрей Кондратовъ, бывшій жанармъ, смѣи съ дѣ-вующій въ законахъ человекъ. Къ этимъ тремъ прибавимъ еще Кузьму Кондратовъ. При бывшихъ (во время пребыванія здѣсь Де-янкина) онъ былъ старостой, выдавалъ бѣ-днѣмъ семьи коммунистовъ. При красныхъ пролѣтъ одно время председателемъ селско-го являлся, потомъ членомъ совѣта. Затѣмъ имѣ-лъ братья Василій, Николай, и Семѣнъ... Васи-лій — слѣтъ по писанію прошеній, имѣлъ, напо-миная старое волостное писаря. У нихъ есть мельница, крупное хозяйство и эконо-мическая власть надъ бѣднотой... Къ династии Кондратовыхъ надо еще присоединить Сте-пана Васильевича и Андрея... Гроза деревни. Не-растаетъ съ оружіемъ. Имѣють жилье на отагѣ. Иванъ Степановъ уинилъ разгонъ организации комсомола, когда ее пытались здѣсь организовать раньше».

Этой характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ (Основной) предисловіемъ характеристику этой деревни Родительской въ цѣломъ. Вотъ онъ:

«Темная, нищая, льная безупная. Все во власти кулака мѣрзавца и темныхъ личнос-тей. Какъ рожь подъ вѣтромъ, такъ и дере-вья Родительскаго подъ властной рукой кула-ка падаетъ изъ стороны въ сторону, не попадая на правильную совѣтскую дорогу. Уже 8 лѣтъ минуло послѣ октября, а въ дере-внѣ Родительской все еще древней «Рус-ско пахаетъ».

Въ этомъ же номерѣ «Правды» (30 мая) нѣсколько критикъ замѣтокъ:

«Еще въ 1922 году семидеять селеній Старо Рѣчницкой волости Валуйск. у Новгородской губ. рѣшили провести земледустройство, да такъ до сихъ поръ и не могутъ его провести Кулаки бывшихъ собственниковъ всячески мѣ-шаютъ имъ въ этомъ. Обжаловали постанов-леніе и добились того, что дѣло о земледу-роствѣ до сихъ поръ гуляетъ изъ волости въ уѣздъ, изъ уѣзда въ губернію и обратно въ с. Гришино, Артемовскаго округа. До-явля с. губ. выслесили на хутора группы за-житочныхъ крестьянъ, захвативъ себя участ-ки за 15 верстъ».

Въ с. Старое Павшино, Александрскаго уѣзда Тульской губ. тѣ крестьяне, которымъ не-желательно передать земледуство, что у нихъ есть земли, проваляли на собраніи вопросъ о переходѣ къ четырёхкопѣе...»

L.

Мертвый городъ.

Письмо изъ Киева

Дланный побурѣвшій отъ непого-ды, постарѣвшій и осудившійся дере-вянный сарай — Киевскій «временный» вокзалъ, стоящій уже безмыслию пят-надцать лѣтъ, пустой и неуютный—это визитная карточка нынѣшняго Киева для прибывающихъ сюда изъ шумной, жи-вающей бурной и торопливной жизнью «неонова» нынѣшней Москвы.

Мертвый Городъ — городъ полумер-твыхъ, всего боящихся и тяжело бор-ющихся съ жизнью, людей, городъ разва-линившихся зданий, разбитыхъ мостовъ, дребезжающаго, давно не ремонтирова-вшагося трамвая, глубоко провинциаль-ныхъ интересовъ и мушкетерной тягу-чей, безпробудной безработицы.

О, эта безработица! — Въ нынѣшней жизни киевлянъ она самый ужасный крестъ. Послѣ того, какъ, полею вынѣш-нихъ властителей Малороссіи, Киевъ нѣтъ крупнаго центра културной, промыс-ленной и политической жизни нѣлаго края былъ свеленъ на уровень чегото-вродѣт Конотела, Лохвицы или Глухова, сократилось до минимума количество учреждений, военныхъ коммунистовъ вы-бросилъ на улицу тысячи служащихъ въ промышленныхъ учрежденияхъ, пер-вый «изъ» дъ Ар нѣскольکو ухудшилъ положеніе, но неаолого, и теперь уже киевляне не связываютъ никакикъ на-деждъ и съ «неонопомъ». Упало настро-еніе, потребности сократились до мини-мума, торговля идетъ только събѣтными припасами, и это въ особенности обра-жается на материальномъ положеніи тѣхъ, кому приходится жить продажей вещей (а такихъ въ Киевѣ, если не болѣ-шинство, то по меньшей мѣрѣ полови-на!). Вещей теперь никто не покупаетъ, а если и покупаетъ, то за гроши, такъ что продажа вещей теперь не можетъ улучшить положенія безработныхъ. За-гарнитуру мебели теперь, напримеръ, даютъ... 20 рублей!

Этотъ застой обрѣкаетъ многихъ на медленную смерть отъ голода, отъ исто-щенія. И люди умирають, какъ-то без-ропотно, съ безнадѣжнымъ отчаяніемъ, съ сознаніемъ необходимости такого ком-ца.

Единственный заработокъ, являю-щийся въ настоящее время наиболѣе вы-годнымъ въ Киевѣ... это уроки украин-скаго языка!..

Къ 1 января 1926 года во всѣхъ пре-доставленныхъ учрежденияхъ (а развѣ существовать теперь учрежденіямъ ин-тересительней?) приказано перейти на украинскій языкъ не только въ перепискѣ, но и «во внутренней общности». Пе-смотря на украинизацію — Киевъ, какъ и былъ, такъ и остался русскимъ, и по-этому можно себя представить паньку, которая возникла среди служащихъ, ко-гда приказъ объ украинизаціи получилъ окончательную и воплотилъ категориче-скую форму. Потерять мѣсто теперь — это значитъ лишиться всего, и поэтому киевляне скрѣпя сердце и сжимая зубы «учатся украинскому языку» у «укра-инскихъ учителей». Плата за эти уроки-содяная, такъ какъ это теперь един-ственный ходкій въ Киевѣ товаръ.

Пожалуй, единственное мѣсто въ Ки-евѣ, гдѣ царитъ неподдающее оживленіе — это на Днѣпрѣ, у Цѣпного Моста. Спѣшно заканчивается его восстановле-ніе. Всѣ черныя работы уже произве-дены, и Киевъ снова соединится со Сло-божанью. Возстановленіе моста, взорван-наго во время отступленія изъ Киева по-ложкомъ, было объявлено «ударной» за-дачей. На постройку Цѣпного моста бы-ли ассигнованы значительныя суммы, давшая возможность нанять около полу-торы тысячи рабочихъ и вести пере-стройку въ темпѣ довоеннаго времени. Пренжній контуръ Цѣпного моста сохра-

ОКАЯННЫЕ ДНИ.

(Изъ Одесскаго дневника 1919 года)

19 апреля.
Прохлада, свѣтлый, веселый день. Но, кажется, въ хороше дни еще хуже въ мірѣ радость, а ты въ моголѣ.

Пошелъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь себя разсѣять, дѣлать събитые зашасы. Говорятъ, что все закроется, ничего не будетъ. И точно, въ лавкахъ, еще не закрывшихся почти ничего нѣтъ, сразу какъ провали-лось все куда-то. Случайно наткнулся въ лавочкѣ на Софійской на кругъ качавка-ла. Купилъ огромный кусокъ. Цѣна дикая — 28 рублей фунтъ.

Въ А. М. Федоровъ. Былъ очень при-ятенъ, жаловался на свое бѣдственное по-ложене. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдній ресурсъ — кто же теперь сниметъ его дочку? Да и нельзя сдавать, она теперь «народное достояніе». Всю жизнь ра-боталъ, кое-какъ удалось купить лавочку, земли на Софійской на кругъ качавка-ла. Купилъ огромный кусокъ. Цѣна дикая — 28 рублей фунтъ.

что тамъ будутъ жить выветѣ съ твоей се-мьей, со всей своей жизнью какіе-то «труд-дѣшеса». Поймѣется можно отъ ярости!

Весь день, ото всѣхъ, упорный слухъ о жалитъ румянами Тирасполя, о томъ, что Мазеневъ уже въ Черноивахъ, и даже о паденіи Петрограда. О, какъ являе всѣ хотятъ вѣтъ! И все, конечно, враки. Начи-наю подумывать, что быдальники сами распускаютъ эти слухи: вѣдь это очень не-плохо — разбиваетъ нервы, укрѣпляетъ нашу бѣдѣтельность и надежду, что за-насъ сбѣдлаетъ дѣло кто-нибудь другой.

Вечеромъ съ Ш. въ синатогѣ. Такъ все-жужко и гадко вокругъ, что тынешъ въ це-рковь, въ эти послѣднія убѣжища еще не за-литыя потопами камчатка, грязь, звѣрства. Только слишкомъ много было опера, хоро-шо только норово: дико — страстные, по-трясающе — сильные вонли, рыданія, за-которыми пѣлае вѣка скорби, безприютно-сти, востокъ, древность, скитанія и Вди-ный, передъ конемъ можно извнѣ душу то-

Истали вспомнилося:

Я какъ-то сказалъ ему, желая сказать приятное и даже слегка поддѣваться: — Вѣсуду возникать эти общества трез-вости... Вотъ и у насъ въ Полтавѣ тоже... — Какіе общества? — Общества трезвости. — То есть это когда собираются, чтобы водки не пить? Водеръ, водеръ. Чубы не пить, не чѣмъ собираться. А ужъ если собираться, то надо пить. Вѣ водеръ, ложь. Подумаи дѣвства видю-сью его...

Вотъ это очень хорошо.

Да, и Толстой въ кое чѣмъ крѣпко вино-лѣтъ. Да и все было хорошо.

Правъ былъ дворянинъ (Москва, осенью 17 года):

— Чѣтъ, простите! Нашъ долгъ быть и есть — довести стѣпану до Учредительна-го Собранія...

Дворяникъ, слышавшій у воротъ и слышав-шій эти горчичія слова, — мямо него быстро-лѣтъ въ спораніи, — горестно покачалъ голо-вой:

— До чего въ самомъ дѣлѣ довели, су-кнѣ дѣти!

Это постоянная картина.

— Сперва меньшевики, потомъ грузови-ки, потомъ большевики и броневики... Грузовики — какими страшнымъ симво-

ломъ остался онъ для насъ, сколько этого грузовика въ нашихъ самыхъ тяжкихъ и ужасныхъ воспоминаніяхъ! Съ самаго пер-ваго дня своего свѣдѣла революція съ этимъ ревуномъ и смердящимъ животно-мъ и похобой солдатней изъ дѣзерти-ронъ, а потомъ отборными каторжанами.

Вобою всея грубость современной кул-туры и ея социальнаго пафоса воплощеніа для меня въ грузовикъ.

Говорить, кричать, завкаясь, со сло-вомъ во рту и на губахъ, глаза сквозь крѣ-пкое вѣселее пенное выкутся особенно яро-стными, сумасшедшими. Гастуцетъ въ видѣ летучей мыши высоко выдѣтъ зади-на приный бумажный воротничекъ, жлетъ до неждя запакающійся на пла-чѣхъ кургузого надкачка — черхотъ, салъ-ные, жидкіе волосы всклокочены. И мени увѣривать, что эта тядока одержима буд-то бы «слабенькой любовью» человекъ къ человекъ, «каждой красоты, добра и справедливости!»

А его слушателю, его «товарищу»? — Весь день праздно стоящій съ поджог-чухами въ кулакѣ, весь день механиче-ски журучий эти подсолнухи дѣзертиры.

Шпелъ въ наикуду, картузъ на вы-лохъ. Широкий, короткопоясый. Словолю-нахалентъ, жретъ и отъ времени до вре-мени задаетъ вопросы, — не говорить, а все-

только спрашиваетъ, и ни одному отвѣ-ту не вѣрять, во всемъ и во вся подовѣ-ваетъ брехню.

И физически больно отъ отращенія къ нему, къ его толстымъ ямкамъ въ го-лостомъ вынмѣе хаки, къ его самоуверен-ной мордѣ, къ его телачамъ рѣвничью, къ молоку отъ нажавшихъ подсолну-ховъ на молодыхъ, животно — первобыт-ныхъ губахъ.

«Россійская исторія» Татищевъ:
«Брать на брата, сынове противъ от-цевъ, рабы на господѣ, другъ друга ищутъ умерить единаго ради користотѣи, похоти и власти, ища братъ брата достоя-нія лишить, не вѣдуае, яко премудрый глаголетъ: ищи чужаго, о своемъ въ оный день возрыдаешь...»

А сколько двурочковъ убѣждено, что въ Россійской исторіи произошеетъ великій «сдвигъ» къ чему то было бы современ-но новому, доселѣ небылаому!

Вся бѣда (и страшная), что мы въ суициднѣ даже малѣйшаго понятія о рос-сійской исторіи не имѣемъ.

Ив. Бушнъ